

последовательны. Неуместные или непоследовательные «культурные смещения» искажают образ произведения и создают у читателя неверное представление о его исходной культуре и о намерении его автора.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – М. – СПб., 2004
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972
3. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М., 2006
4. Левин Ю., Федоров А. (ред.) Русские писатели о переводе. – Л., 1960
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М. – СПб., 2002
6. Chekhov. The Comic Stories. – London, 1998
7. Gogol. The Government Inspector. – London, 1997
8. Lefèvere, André. Translation/History/Culture. – London, New York, 1992
9. Newmark, Peter. Approaches to Translation, England, 1995

Минькова А. Ю.

КОНТЕКСТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИДИОСТИЛИЯ СУПЕРСТРУКТУРЫ ДИСКУРСА ФРАНЦА КАФКИ

С позиции современных подходов дискурс это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста [2, с. 8]. Такая трактовка дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает наличие интерированных моделей обработки дискурса.

Т. А. ван. Дейк, как и многие другие исследователи выделяет два основных аспекта в когнитивном анализе процесса обработки дискурса – структуры представления знаний и способы его концептуальной организации. В качестве основного типа их репрезентации выделяются «модели ситуации», в основе которых, лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт. Реципиент понимает текст только тогда, когда он понимает ситуацию. «Модели ситуации» необходимы как основа для интерпретации текста. Использование моделей объясняет, почему реципиенты понимают имплицитные и неявные фрагменты текста – в этом случае они активизируют соответствующие фрагменты ситуационной модели. Только на основе моделей мы можем определить истинность или ложность тех или иных фрагментов текста, установить их кореферентность и выявить связность на локальном и глобальном уровнях [2, с. 9].

Для когнитивной модели употребления языка недопустимо однозначному тексту приписывать одну макро-структуру: «действительное понимание дискурса зависит от изменяющихся когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста». «В зависимости от различных стратегий интерпретации, различных знаний,... каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру» [1, с. 44]. В данной статье рассматривается когнитивная структура (когнитивная модель) дискурса австрийского писателя Франца Кафки, а также семантические макроструктуры (темы) и формальные суперструктуры (схемы).

Когнитивные концептуальные структуры. Романы Кафки представляет собой когнитивную модель человеческого взаимодействия.

Общение как форма человеческого взаимодействия отражает социальную сущность человека. Мы встроены в мир людей, и наше место в этом мире определяется многомерной сетью отношений, которые можно представить в виде кругов Эйлера, т. е. входящих друг в друга концентрических окружностей.

В самом центре такой модели находится человек и его близкие, семья, на этом уровне в наибольшей мере проявляется индивидуальность, уникальность личности [4]. Существенной особенностью этого уровня есть не безразличие близких людей, к тому, что происходит с рядом находящимся человеком, а участие в его проблемах и тревогах. Здесь важна не столько передача информации, сколько эмоциональная поддержка. Этот уровень общения генетически первичен, ребенок вступает в мир, в первый круг своих социальных отношений на основе правил общения на самой короткой дистанции.

В центре когнитивной модели общества, которая выстраивается в результате анализа глобальной структуры дискурса Кафки, не человек центр мира, а общество, причем не все общество, а только та его часть, в руках которой сосредоточена власть.

В художественном дискурсе Кафки человек мало значим для узкого круга своих близких (Карл Росман для своего американского дяди и для родителей; мать Ханса для мужа, который женился на ней, чтобы иметь хоть какое-то отношение к властным структурам, Йозеф К., дядю которого мало заботит судьба племянника). Женщина в романе «Замок» – это прежде всего не мать, а средство достижения покровительства власти, а мужчина – не муж и отец, а лакей, либо угнетенное, подавленное существо.

На уровне семьи человек отвергается не потому, что он не нужен или его не любят, так сложились обстоятельства, так устроен мир. Невнимание женщины в белом – матери Ханса, к детям, ползающим вокруг нее и, даже, к младенцу, у ее груди, объясняется смертельной усталостью от работы в Замке. Поступок родителей Карла Росмана, отправивших молодого паренька из Европы через океан в Америку, объясняется безответственностью самих родителей, устоями общества.

Человек вынужден вступать во взаимодействие с большим количеством людей, которых он не знает, однако имеет о них представление либо на основе личного опыта (К. – главный герой романа «Замок», Ольга, Варнава, Фрида и др.; Карл Росман из романа «Америка») либо опосредованного (Йозеф К., Человек земли из романа «Процесс»). Причем нельзя сказать, что типы таких взаимодействий разнообразны: герои взаимодействуют на уровне семьи, возлюбленных, любовников. Очень редко эти отношения строятся на действительной человеческой взаиморасположенности и любви (Америка), а чаще всего они обусловлены скрытой жадностью власти (Замок) либо достижением определенной цели, чаще всего борьбой за выживаемость («Процесс», «Америка», «Замок»).

Уровень межличностных отношений различен: от неизлаженного восторга при первой встрече (Карл Росман, увидевший Америку и К., впервые увидевший мать Ханса – женщину, с младенцем у груди) и внешнего узнавания при встрече (К., согласно лингвистическому контексту, Замок был известен еще до того, как он оказался в Деревне) до определенной части совместного опыта (Гардена – в прошлом, а Фрида, в настоящем, любовница чиновника Клама;

Йозеф К., безрезультатно обивающий пороги судебных инстанций, с целью установить свою невиновность; Деламарш в «Америке» просит своего друга Робинсона быть ему слугой и тот не отказывается).

В дискурсе Кафки этот, достаточно широкий, второй круг общения требует иных исходных посылок, чем в привычном мире рецепиета. Партнеры не обязаны разделять ценности внутреннего мира друг друга, им следует вести себя в соответствии с установленными в данной местности нормами поведения (Замок, где носить Имя любовницы Кламма – великая честь; дом американского дяди Карла Росмана, где наиболее значимы правила этикета; судебные инстанции в «Процессе», где важно иметь протекцию), именно на данном уровне общения люди, прежде всего, обмениваются информацией о мире (советы Гардены Фриде; рассказы Фриды о Кламме.- К.; советы дяди – Карлу Росману; рекомендации Блока – Йозефу К.), а не о своем отношении к миру.

Поэтому, если в традиционном понимании человеческое общество предполагает поддержание единства между каждым отдельным человеком и обществом [3], то у Кафки все наоборот. Общество легко избавляется от неудобных, тех, кто не желает или не может соответствовать его канонам (Карл Росман в «Америке», Амалия и ее родители в «Замке»). Человек выступает здесь не как личность во всем богатстве своих уникальных характеристик, а как представитель определенного класса, как тип. Такой тип отношений определяется статусно-ролевыми характеристиками участников общения [5].

Типы отношений между людьми, как они представлены в дискурсе Кафки могут быть рассмотрены с позиции аксиологических доминант определенного этноса.

В мире изображенном Кафкой свои цели, нормы и идеалы. Все явления общественной жизни и культуры понимаются не как закономерные процессы, доступные объективному познанию, а как «ценности», определяемые на основе субъективных или объективно-идеалистических критериев.

Подход с позиции аксиологических доминант предполагает выделение основных типов поведения, свойственного представителям конкретного этноса и, тем более, представителям определенного социального слоя в составе того или иного этноса. Типы поведения выделяются при помощи культурно-антропологических схем и приоритетных норм. Названные схемы могут быть построены в виде статусных и ролевых моделей, например, отношения "дети-родители", "супруг-супруг", "гость-хозяин", "человек-животное", "противник-противник" и т. д. Приоритетные нормы формулируются в виде исходных и производных ценностных суждений. Например, отношение "дети-родители" важнее, чем отношение "супруг-супруг", следовательно, родители всегда правы, родители обязаны помогать детям и дети – родителям, демонстрация привязанности родителей к детям и наоборот поощряется в обществе, в то время как демонстрация взаимных симпатий между супругами считается избыточной [4].

Указанные типы поведения имеют непосредственное отношение к рассматриваемому дискурсу. Но поскольку, ранее в той или иной степени уже затрагивался вопрос о статусных и ролевых моделях «дети-родители», «супруг-супруг», и др. остановимся на типе отношений «чиновник-чиновник» и «чиновник-человек», представляющих особый интерес для дискурса Кафки.

Ролевая модель «человек-животное», «слуга-хозяин» ярко представлена в романе «Процесс». В легенде, которую рассказывает в соборе Йозефу К. священник, говорится, что человек земли испробовал все способы, чтобы попасть в Закон, все силы и средства и даже просил блоху в воротнике хранителя врат помочь ему «... bittet er auch die Flöhe, ihm zu helfen und den Türhüter umzustimmen» [6, с. 183].

Проецируя данные легенды на контекст дискурса Кафки, в частности, сравнивая тип поведения насекомого в с действиями героев, получаем вполне закономерные результаты. Блоха, относится к паразитическому насекомому, живет преимущественно в мехе теплокровных животных, питается их кровью и грязью. Женщины-секретарши («Процесс»), девушки-служанки («Замок») как и насекомое, изображенное Кафкой, ведут паразитический образ жизни. Они питаются той же самой пищей, что и их хозяин – пьют тоже вино, едят такую же колбасу (Фрида, Пеппи), ну и что, что это объедки со стола хозяина, зато это деликатес! Но ведь в это же самое время люди в Деревне умирают от голода. Таких примеров в романах множество. Женщины кроме еды могут рассчитывать на те же льготы, которые положены ее хозяину, но при этом не несут никакой ответственности. Здесь следует напомнить тост, который чиновники произносят, во время застолья, по случаю дня рождения, кого-либо из коллег «Es möge dir gehen wie einem Diener!» [7]. «Пусть тебе живется как слуге!» – вот идеал устроенного человека в мире, который изобразил Кафка. Слуга – существо, питающееся за счет своего хозяина, пользующееся всеми благами, которые положены его хозяину, но при этом ни за что не отвечающее. Указанная поговорка не единственный пример. В романе «Замок», хозяйку гостиницы Herrenhof, постоянно раздражали посетители – жители Деревни, приходившие со своими проблемами на прием к чиновникам. Однажды она поинтересовалась причинами появления крестьян в ее доме, на что получила вполне конкретный ответ. «Es war ihr unerträglich, im eigenen Hause immerfort »belagert zu werden«, wie sie sich ausdrückte. Es war ihr unverständlich, wozu es überhaupt Parteienverkehr gab. »Um vorn die Haustreppe schmutzig zu machen«, hatte ihr einmal ein Beamter auf ihre Frage, wahrscheinlich im Ärger, gesagt; ihr aber war das sehr einleuchtend gewesen, und sie pflegte diesen Ausspruch gern zu zitieren.» [7, с. 759].

Пословицы и поговорки явление, характерное для определенного этапа, периода развития любого общества. Но сам факт существования поговорок и пословиц, которые используются в среде чиновников, прямо указывает на существование особой общности, не просто некоего социального слоя в составе того или иного этноса, а целого «особого народа», у которого есть свой фольклор. Протяженность фольклорного периода во времени, намекает на время возникновения «народа чиновников». Как правильно отмечает в своих исследованиях концептов В. И. Карасик: «Языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразное способа освоения мира» [4].

А концепт власти в дискурсе Кафки получает, таким образом, утилитарные свойства (стремится извлекать из всего пользу и выгоду).

Дискурс Кафки, созданный в начале 20-го века, обладает признаками концептуального характера. Это – своеобразный интертекст, отсылающий читателя к мировоззренческой системе общественного сознания. С другой стороны, данный дискурс обладает главной чертой, отличающей его от произведений традиционной литературы – высокой степенью объективной модальности, маркерами, которой являются: абстрактные, обезличенные образы; слияние наблюдателя и героя; контрастивное противостояние времени повествования и времени повествуемого [8], за счет чего,

дискурсу, присваивается одновременно общее и временное безграничное значение; статический характер действия, приравнивается к сценическому изображению [9]; личное противостояние; актуальность, острота, волнующая болезненность для реципиента тематики, поднимаемой в романах.

С лингвистической точки зрения романы представляют собой четко структурированную систему взаимосвязей, прослеживаемую на всех уровнях. Следовательно, можно говорить о конвергенции стилистических приёмов, выполняющих общую стилистическую функцию текста.

Лингвостилистические особенности дискурса Кафки: на семантическом уровне романы представляет собой метафорическую модель; на синтаксическом – модель структурного параллелизма.

На уровне макроструктур (основных тем) дискурс является моделью, вскрывающей противоречия между человеком и обществом, добром и злом.

Лингвотекстуальная структура текста в значительной мере обусловлена когнитивной моделью социального мышления, особенностями которого (универсальные схемы), вербально выражены на различных лингвистических уровнях.

Когнитивная модель художественного дискурса Кафки предполагает, таким образом, единство лингвистических и когнитивных структур, значительную роль при этом занимает языковой контекст как показатель идиостиля автора, требующий дальнейших, более глубоких исследований.

Источники и литература

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс. 1989. – 312 с.
2. Караулов Ю. Н., Герасимова В. И. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс. 1989. – С. 5-11.
3. <http://de.wiktionary.org/wiki/Mann>
4. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморск. Гос. Ун-та, 1997. – С.154-171. <http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart3.htm> В. И. Карасик
5. Карасик В. И. Язык постлеписьменной эры // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. Волгоград: РИО, 1997. – С. 141-154. (<http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart4.htm> В. И. Карасик)
6. Kafka F. Der Prozeß.- Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989.- 239 S.
7. Kafka F. Das Schloß // Kafka F. Das erzählerische Werk. – Berlin: Ruttene & Loening, 1983.-Bd.2. – S.521-834.
8. http://www.geo.unibonn.de/cgi-bin/kafka?Rubrik=interpretationen*Punkt=gesetz*Unterpunkt=form
9. http://www.geo.uni-bonn.de/cgi-bin/kafka?Rubrik=interpretationen*Punkt=gesetz*Unterpunkt=personenkonstellation

Минькова И. Ю.

ТЕСТЫ О ЛЮБВИ КАК ЭКСПЛИКАТОР КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»

Каждый язык имеет определенную систему, с помощью которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Категоризация – главная роль, которую играют концепты в мышлении, позволяет группировать объекты с определенными сходствами в соответствующие классы. Цель предлагаемой работы – выявление расхождений в семантическом наполнении концепта «любовь» в украинской, русской, немецкой, английской и французской лингвокультурах. В исследование концептов целесообразно включать информацию из областей их бытования [1, с. 8], поэтому для выведения национальных особенностей современного концепта «любовь» анализу были подвергнуты «тексты культуры» – социопсихологические тесты, посвященные установлению истины относительно вечного вопроса – «Настоящая любовь или нет?» (материал отбирался из Интернета) [6-10].

К сожалению, украинских тестов с четким ответом на поставленный выше вопрос в Интернете не обнаружилось. Лишь на двух, из не многих, украинских страницах женщинам предлагают психологические тесты «Водопад женского счастья» и «Способны ли вы на сильное и большое чувство?» [7], которые подходят для выявления семантического содержания концепта «любовь». Мощност «водопада счастья» измеряется количеством баллов. Обладательница максимально высоких оценок читает интерпретацию: «если вы осознаете, насколько вы счастливы, то у вас жизнь, о которой мечтает большинство женщин». Гипотетически счастливые женщины мечтают: раз в год получить цветы; услышать в свой адрес стихи или песню; провести ночь вне дома (путешествие, или адюльтер?); ради любви сделать шаг наперекор судьбе (конфликт с обществом?); не стирать чьи-либо носки (знак равноправия?); быть влюбленной, получать сексуальное удовлетворение; жить с любимым; иметь «половину», способную решать проблемы.

Авторы теста рекомендуют: «помните: главное не только быть счастливой, но иметь мудрость сохранить счастье!» (в контексте сема: не радуйтесь преждевременно, так как такой status quo долго длиться не может).

Обладательницам менее результативных модификаций предлагается «в безвыходных ситуациях быть счастливыми от счастья любимых людей».

Итак, денотативное поле «любовь» в современной украинской лингвокультуре состоит из сем: внимание со стороны обеспеченного мужчины, стойкость в борьбе с судьбой, жизнь с любимым; половое удовлетворение – т. е. концепт «любовь» отмечен материальными и межличностными проблемами.

Обзор статьи Оксаны Швеи из газеты «Кременчугский телеграф» (также выданную Интернетом на запрос «любовь») позволяет выявить пассивные пласты (дополнительные признаки) концепта «любовь». Автор статьи предлагает интересную мысль, подтверждающая предыдущий вывод об оттенке меркантильности у «украинской любви»: «тот, кто любит, легко делает то, что должен: продолжает род, пишет стихи, зарабатывает деньги на подарки любимой или содержание семьи, параллельно увеличивая ВВП...» [3] ...

Украинские врачи (locо citato) допускают, что «высокие чувства – это биологический пусковой механизм, обусловленный выбросом гормонов эндорфинов, который налаживает физическое здоровье, а на психоэмоциональном уровне регулирует три основных инстинкта: пищевой, половой и самосохранения. При утрате одного из инстинктов, человек умирает.

Украинские философы считают, что любовь биологическая, со временем, уходит на второй план, на первый выступает необходимость поступиться своим эгоизмом, чтобы сделать другого счастливым. Родство индивидуальностей объединяет влюбленных в одно целое, они синхронно мыслят и творят.